

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

A. Holvoet, N. Nau (eds). Grammatical relations and their non-canonical encoding in Baltic. Amsterdam: John Benjamins, 2014. vii + 370 p. (Valency, argument realization and grammatical relations in Baltic. Vol. 1.) ISBN 978-9-02-725909-7.

Александр Борисович Летучий

Alexander B. Letuchiy

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия
alexander.letuchiy@gmail.com

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
alexander.letuchiy@gmail.com

Балтийские языки давно стали объектом пристального внимания лингвистов, но это внимание до недавнего времени было несколько односторонним. Как правило, эта группа языков изучалась в сравнительно-исторической перспективе. Поскольку было замечено, что балтийские языки (особенно литовский) отражают многие архаичные черты, их данными активно пользовались при построении гипотез об устройстве праязыка индоевропейцев. Однако не так давно ситуация стала меняться, и балтийские языки привлекли и внимание синхронистов (как типологов и теоретиков, так и «чистых» дескриптивистов). Сегодня балтийский материал — это неотъемлемая часть исследований по аспекту, эвиденциальности, валентности и переходности. К числу таких исследований принадлежит и рецензируемый сборник.

Тема сборника — грамматические отношения и их неканоническое кодирование в балтийских языках. В число грамматических отношений (синтаксических ролей) стандартно включаются такие роли подлежащего (S), прямого дополнения (DO) и непрямого дополнения (IO). В некоторых случаях оказывается полезным выделить также роли косвенного дополнения (Obl), агентивного дополнения при пассиве (AInstr) и др. Впрочем, большинство статей рецензируемого сборника использует усеченный вариант иерархии, состоящий из S и DO. Данный подход вполне обоснован для языков типа славянских или балтийских, где синтаксическое поведение подлежащего и прямого дополнения существенно отличается от поведения всех остальных составляющих, тогда как не прямое дополнение не имеет никаких выраженных диагностических признаков.

В этой связи нам кажется, что для такого сборника было бы полезным теоретическое введение, обсуждающее собственно понятия грамматического отношения (в том числе подходы, где это понятие считается ненужным, см., например, [Croft 2001]) и их приложимость к языкам различных типов (см. [Keenan, Comrie 1977; Dowty 1991]). Конечно, большая часть читателей сборника знакома с аппаратом синтаксических отношений, однако краткое изложение авторской позиции было бы полезно.

В сборник входит вводная статья, посвященная кодированию аргументов в балтийских языках, и семь статей более узкой направленности. Балтийские языки представлены в сборнике не совсем равномерно (три статьи посвящены только литовскому, еще одна — его сопоставлению с исландским), однако это вполне объяснимо. Литовский язык вообще гораздо лучше освещен в рамках современных лингвистических теорий, чем латышский и, тем более, латгальский. В частности, местная лингвистическая традиция в Литве развита гораздо сильнее, чем в Латвии, см. хотя бы работы Витаутаса Амбразаса.

Введение «Argument marking and grammatical relations in Baltic» (авторы — А. Хольфут и Н. Най) — это обзор проблематики, связанной с кодированием аргументов в балтийских языках.

Авторы отмечают, что, хотя каноническая переходная модель с подлежащим в именительном падеже и дополнением в винительном весьма распространена, для маркирования аргументов широко используются и периферийные падежи. Их функции и степень употребительности несколько различается между языками: так, в литовском в аргументной функции нередко используется инструменталь, а в латышском — локатив. В обоих языках аргументы могут маркироваться дативом и генитивом.

Помимо лексически обусловленного неканонического маркирования, засвидетельствованы случаи, когда при одном и том же глаголе маркирование объекта может быть разным (дифференциальное маркирование объекта). К ним относятся генитив при отрицании (в литовском он может возникать даже при отрицании в другой клаузе) и партитивный генитив, обозначающий неопределенное количество или часть объекта. Специфически латышский случай — конкуренция датива и аккузатива при глаголах физического воздействия типа *spert* ‘ударить ногой’, *kost* ‘укусить’. Различие между падежами заключается, вероятно, в аспектуальных свойствах ситуации (считается, что датив стандартно используется при обозначении однократной ситуации).

Интересной чертой балтийского синтаксиса является связь маркирования объекта с формой глагола. Так, в литовском при супине и инфинитиве от переходного глагола стандартно используется генитив, тогда как в латышском инфинитив управляет аккузативом. Однако этим набор возможных конструкций не исчерпывается: литовский и латышский имеют и конструкции «инфинитив + датив» и даже «инфинитив + номинатив» при безличной главной клаузе (букв. ‘нужно причесать **голова**’). Последняя конструкция роднит балтийские языки с финно-угорскими и с севернорусскими диалектами, где инфинитив также способен управлять номинативом объекта.

Статья П. М. Аркадьева «Case and word order in Lithuanian participial clauses revisited» посвящена кодированию объекта в инфинитивных конструкциях. Из предшествующей литературы известно, что в позиции объекта переходного глагола при инфинитиве могут конкурировать аккузатив, номинатив, генитив и датив. Автор исследует условия употребления каждого из падежей. Нужно отметить четкую методологическую и теоретическую направленность статьи — она ориентирована на аппарат современной порождающей грамматики.

В статье подробно обсуждается единственная работа, где ранее речь шла о данном случае вариативности — статья Дж. Лэвайна и С. Фрэнкса [Franks, Lavine 2006]. Авторы рассматривают вариативность при инфинитиве в рамках минималистской теории. Важным компонентом современной теории падежа является теория фаз — составляющих, которые блокируют воздействие на свои компоненты из внешнего контекста.

Однако автор во многом расходится с выводами статьи. В частности, он обнаруживает, что возможность замены на датив существует не только для аккузатива (при переходных глаголах), но и для генитива (при глаголах типа *išvengi* ‘избегать’). Корреляция маркирования инфинитивного дополнения дативом vs. генитивом с порядком следования глагола и дополнения — не такая однозначная, как предполагают Фрэнкс и Лэвайн. Замена аккузатива на датив не обязательна, во всяком случае, некоторые носители допускают сохранение аккузативного маркирования даже в целевых конструкциях.

После весьма квалифицированного обзора типологических параллелей литовской ситуации автор переходит к собственному анализу. П. М. Аркадьев опирается на теорию, предложенную Орой Матушански [Matushansky 2008]: предполагается, что падежные признаки приписываются вершиной своему комплементу, а затем распространяются от него на все составляющие, расположенные ниже в дереве. Другой вопрос, почему не во всех случаях реализуются все падежные значения (подобная «всеобщая» реализация привела бы к тому, что на многих именных группах были бы маркированы два или более падежей).

П. М. Аркадьев считает, что реализовать одновременно несколько падежей мешают иерархические правила, которые упорядочивают конкурирующие падежные значения. Так, в конкуренции датива и аккузатива способен победить любой падеж, однако в конкуренции датива и генитива чаще побеждает генитив (отсюда редкость структур, где при инфинитиве вместо генитива из модели управления реализуется датив).

Статья крайне интересна, поскольку эмпирические наблюдения в ней подкреплены формальным анализом. Более того, здесь мы видим не просто анализ изолированных структур, но и общий принцип: вершина присваивает падеж дополнению и всем более «низким» составляющим. Впрочем, нужно отметить, что слабым местом такого рода теории являются именно конкретно-языковые иерархии, требующие выбора одного из падежных значений. Как кажется, эти иерархии во многом выдвигаются *ad hoc*, отражая наблюдаемые факты, но не всегда их объясняя, например: «Из датива и аккузатива может выбираться любой падеж». В этом смысле получается, что переход от крайне «разрешительной» теории к довольно «строгим» языковым данным, так сказать, объявляется произволом конкретных языковых систем. Кажется, что постулирование множественного присваивания падежа просто переносит проблему на другой уровень. Достоинство этой теории состоит в том, что она предусматривает многие экзотические случаи падежной вариативности, а недостаток — в крайне трудоемкой задаче по отделению всех несуществующих или редких случаев от частотных.

Следующая статья А. Хольфута и М. Гжибовской «Non-canonical grammatical relations in a modal construction: The Latvian debitive» также посвящена проблеме неканонического маркирования объекта, обусловленного формой глагола. Здесь в центре внимания оказывается дебитив — латышская форма с префиксом *ja-*, которая, будучи образованной от глагола 'P', означает 'должно быть P' или 'X должен сделать P'.

При образовании дебитива субъект исходного предиката маркируется дативом, а объект — номинативом или (в случае местоимений 1-го и 2-го лица) аккузативом (впрочем, вне литературного языка допускается аккузативное маркирование любых типов объектов). Дебитивная форма не спрягается (функцию маркирования видо-временных значений несет глагол 'быть', а настоящее время маркируется нулем).

Авторы кратко рассматривают вопрос об аргументной структуре модальных конструкций. В частности, отмечается, что неэпистемические модальные предикаты часто «выбирают» в качестве основного актанта одного (как правило, одушевленного) участника, который и осознается как субъект возможности или необходимости — тот, кто может или должен что-нибудь сделать. Более того, оказывается, что некоторые модальные предикаты (например, 'надо') невозможны в отсутствие одушевленного участника, хотя бы в какой-то мере контролирующей ситуацию. Несколько странно, что авторы не дают ответа на вопрос, есть ли ограничения на одушевленность у дебитива (при этом статья не содержит ни одного примера, где бы исходный субъект при дебитиве был неодушевленным).

Центральная часть статьи посвящена грамматическому статусу актантов при дебитиве. В целом синтаксические тесты показывают, что больше субъектных свойств имеет исходный субъект в дативе. В частности, именно он способен контролировать рефлексивные показатели (аргументный рефлексив и посессивный рефлексив). Однако это лишь тенденция, а не жесткое правило. Поскольку ситуация с рефлексивом очень интересна, на этой части статьи мы остановимся более подробно.

Во-первых, существуют структуры, где вместо посессивного рефлексива, относящегося к дативному аргументу, употребляется местоимение 3-го лица: выбирается не вариант 'Они (DAT) должны делать **свою** работу', а вариант 'Они (DAT) должны делать **их** работу'. По свидетельствам авторов, количество таких примеров существенно больше, чем при контроле в именительном падеже в стандартной конструкции типа 'Они читают свои книги'.

Во-вторых, номинативный аргумент конструкции (исходный объект) также иногда контролирует посессивный рефлексив. Это может происходить, когда данный аргумент топикализован и находится в начале предложения.

Ситуация с рефлексивом, по свидетельству авторов, отражает общую черту дебитивной конструкции: это конструкция с диффузными грамматическими отношениями — ни один из аргументов не является ни прототипическим субъектом, ни прототипическим объектом. Сходный результат дает и морфологический тест на согласование. В стандартном случае номинатив в латышском контролирует согласование причастий (например, в плюсквамперфекте типа ‘Маленьким девочкам нравились-F (PLSQP) принцессы’ причастие согласуется по роду со словом ‘принцессы’). Однако номинатив при дебитиве не контролирует согласование на причастии от глагола ‘быть’. Если этот глагол находится, например, в перфекте, причастие чаще не согласуется, чем согласуется. Иными словами, в предложении ‘Раньше нужно было (PERF) читать новости’ перфектное причастие глагола ‘быть’ обычно не принимает формы женского рода, хотя слово ‘новость’ женского рода.

Здесь, правда, нужно сказать, что объяснение авторов кажется усложненным. Утверждается, что мы наблюдаем грамматикализацию дебитива, который перестает быть полноправным членом глагольной парадигмы, а вспомогательный глагол в дебитивной конструкции утрачивает согласование. Однако кажется, что использовать понятие грамматикализации здесь не вполне обязательно. Возможно, следовало бы считать, что разный статус в дебитивной конструкции и в формах типа плюсквамперфекта имеет глагол ‘быть’ (в первом случае это глагол-связка, маркирующий время, отсутствующее в форме дебитива, во втором — вспомогательный глагол, часть сложной видо-временной формы). Вспомогательный глагол — это часть формы лексического глагола, а значит, он сильнее связан с аргументами лексического глагола (в нашем случае — ‘нравиться’), чем связка — с аргументами дебитива. Тем самым, отсутствие согласования при сложном времени дебитивной конструкции можно объяснить статусом глагола ‘быть’, а не дебитивной формы.

Единственное место в системе, где больше «субъектных» свойств проявляет номинативный объект дебитива, — это сочинительное сокращение. Сокращение типа ‘Эти проблемы взаимосвязаны и **должны** рассматриваться с осторожностью’ возможно, если дебитив находится во второй части дебитивной конструкции. Для датива сочинительное сокращение с номинативным каноническим субъектом невозможно. Однако, как и указывают авторы, вряд ли это различие связано с субъектностью. Номинатив при дебитиве может сокращаться просто в силу совпадения падежа с падежом подлежащего, выраженного в первой части (‘проблемы взаимосвязаны’).

Итак, ни один из аргументов конструкции не имеет полного набора субъектных свойств. Говоря о характеристиках аргументов дебитива, авторы придают большое значение тому факту, что при топиализации номинативный аргумент может получить больший, чем обычно, набор субъектных свойств. Эта ситуация описывается термином «recoverable subjecthood» (‘восстанавливаемая субъектность’): в дебитивной конструкции номинативный аргумент утрачивает обычно присущие ему субъектные свойства, но может «восстановить» их при определенных коммуникативных изменениях.

В последней части статьи авторы возвращаются к вариативности в маркировании объекта (напомним, в диалектах и просторечии он может маркироваться не номинативом, а аккузативом; для местоимений первых двух лиц аккузативное маркирование является единственным вариантом и в литературном языке). Авторы с осторожностью говорят об историческом развитии современной конструкции, но все же приходят к выводу, что вариант с аккузативом (вероятно, более новый, чем номинативный) может быть результатом выравнивания семантических ролей и падежного маркирования. При номинативном маркировании неодушевленный объектный участник маркируется, тем не менее, **субъектным** падежом, тогда как одушевленный партиципant получает дативное маркирование. Это несоответствие устраняется, когда объект начинает маркироваться аккузативом — типично **объектным** падежом, нередко уступающим дативу по разным синтаксическим критериям. К сожалению, сохранившиеся исторически источники не позволяют полностью проследить эволюцию маркирования объекта при дебитиве. Во всяком случае, латышская ситуация — это интересный пример отмеченного, например, в [Haspelmath 2001] перехода

от неканонического к каноническому маркированию актанта глагола. В будущем могло бы быть полезно проследить на типологическом материале конкуренцию двух факторов: стремления языка к каноническому (аккузативному) маркированию объекта vs. стремления языка к канонической (в частности, содержащей номинатив, т. е. не безличной) валентностной структуре.

Кристина Ленартайте-Готаучене в работе «Alternations in argument realization and problematic cases of subjecthood in Lithuanian» сосредоточилась на анализе одного случая вариативности маркирования актантов в литовском языке. Это так называемая 'swarm alternation': имеются в виду случаи типа *Bees swarm in the garden* 'В саду кишат пчелы' vs. *The garden swarms with bees* 'Сад кишит пчелами'. При одном и том же глаголе *swarm* 'кишеть, роиться' (а также при русском глаголе *кишеть*) подлежащим может быть и место (сад), и агент или тема, многочисленными объектами (пчелы).

В литовском языке есть пять классов, для которых засвидетельствована такого рода вариативность: (i) глаголы движения многочисленных субъектов ('кишеть, роиться', 'течь'), (ii) глаголы звука ('звучать'), (iii) глаголы света и цвета ('блестеть', 'краснеть'), (iv) глаголы запаха ('пахнуть, вонять') и (v) особый морфологический класс лексем с приставкой *pri-*, обозначающий движение большого числа субъектов в одно место ('понабежать', 'собраться толпой'). При этом первые четыре семантических класса, как показано в работах Д. Даути, способны к такой вариативности и в английском.

В то же время литовская система не тождественна английской. Во-первых, в ней имеется класс (v), где вариативность обусловлена формально (она проявляется практически у всех переходных глаголов с приставкой *pri-*).

Во-вторых, набор возможных моделей в литовском многочисленнее английского. Существуют не только модели, напрямую соответствующие английским: 1) субъект в номинативе, тема в другом падеже и 2) субъект (место) в номинативе, тема оформлена периферийным падежом или выражена предложной группой, — но и третья модель, где место выражено каким-либо неноминативным падежом, а другой актант имеет форму генитива в партитивном значении. Именно она наблюдается у глаголов на *pri-* (*Kambar-i pribėgo vandens* [комната-ACC.SG течь.PST.3 вода-GEN.SG], букв. 'Комнату натекло воды'). Однако и глаголы других классов допускают модель с актантом в генитиве (например, 'в шерсти собаки кишит блох').

Автор отмечает, что вариативность типа *swarm* тесно связана с локативным значением. Как правило, для глаголов всех пяти классов (в рассматриваемых значениях) обязательно выражение локативного актанта. Второй семантической составляющей альтернирующих глаголов является множественность нелокативного актанта. И если, согласно Д. Даути, в английском это требование действует только для варианта с локативным субъектом, то в литовском — для обоих: абсолютно невозможны предложения вида 'Склоны кишат тридцатью альпинистами', но близок к неприемлемости и вариант 'Тридцать альпинистов кишат на склонах'. Не случайно многие глаголы рассматриваемых пяти классов допускают маркирование одного из актантов партитивным генитивом — это падежное маркирование обозначает именно неопределенность количества объектов.

Автор напоминает, что в значении английских предложений с субъектом-местом часто усматривается значение 'полного охвата' места (например, предложение 'Стол кишит муравьями' подразумевает, что муравьи имеются во всех частях стола). Это же требование действует и для литовского языка и тоже связано с неопределенностью количества объектов, заполняющих место.

Из классов глаголов, способных к вариативности, особые свойства имеют глаголы запаха. Именно они способны, помимо двух стандартных моделей (место-ЛОК, тема-НОМ и место-НОМ, тема-ИНС), иметь модель управления без канонического субъекта (место-ЛОК, тема-ИНС, букв. 'На улице пахнет сиренью', ср. аналогичную конструкцию с русскими глаголами запаха: *пахнуть, вонять*, разг. *нести*, прост. *пасти*). Глаголы других классов крайне редко образуют такую конструкцию. Данная особенность глаголов запаха

связана с особенностью языковой концептуализации обоняния: запах может быть отделен от своего источника. Если в предложениях с номинативом темы глагол 'пахнуть' и его аналоги обозначают присутствие в некотором месте источника запаха (ср. 'Розы прекрасно пахли', где розы, скорее всего, находятся в сфере восприятия говорящего), то в предложениях с двумя неноминативными группами говорящий ощущает запах, но не видит его источника (ср. 'Здесь пахнет розами, хотя роз в этой комнате никогда не было'). Такое разделение источника ощущения и самого ощущения невозможно, например, для зрения и почти невозможно для слуха (предложение типа 'На улице играет гитара' подразумевает, что гитара действительно присутствует в сфере восприятия, хотя, возможно, не видна говорящему).

Крайне интересна часть статьи, посвященная коммуникативной функции вариативного маркирования актантов. Ключевым понятием является «презентационная конструкция» в понимании К. Ламбрехта. Это конструкция, где синтаксический субъект является не темой, как в стандартном случае, а ремой (например, *Жила-была бедная старушка*).

Если в конструкциях с субъектом-местом мы наблюдаем стандартную коммуникативную структуру с субъектом-топиком, то конструкции с субъектом-темой (и бессубъектные конструкции с глаголами запаха) относятся к презентационному типу. Они вводят в дискурс новый референт, который ранее не был активирован: например, в предложении 'в саду пахли цветы' в рассмотрение вводятся цветы.

Очень важно, что теоретический аппарат Ламбрехта позволяет связать коммуникативные свойства литовских конструкций с синтаксическими. Ламбрехт [Lambrecht 2000] предлагает принцип субъектно-объектной нейтрализации: «В конструкции с субъектом-фокусом субъект нередко имеет все или некоторые морфосинтаксические характеристики, которые в конструкции с предикатным фокусом (т. е. в стандартной конструкции. — А. Л.) присущи объекту»¹. Впрочем, надо отметить, что в статье не проводится серьезного анализа синтаксических свойств актантов каждой из конструкций, помимо собственно их падежного маркирования. Однако автор показывает, что в конструкциях вида 'В саду кишат пчелы' нелокативный участник ('пчелы') во многом лишен агентивных свойств и является скорее темой, нежели агенсом. Отсюда, в частности, и возможность его маркирования партитивным генитивом, стандартно оформляющим неагентивных или не вполне агентивных участников.

Отметим, что автор придерживается трехуровневого подхода к определению субъекта, предложенного И. Ливитц [Livitz 2006]. Понятие субъекта базируется на трех типах характеристик (в терминологии И. Ливитц — «примитивов»): тематических (семантической роли), синтаксических и прагматических. Этот подход весьма оправдан для литовского материала, где оформление участников вариативно, причем ни один из них не является прототипическим агенсом или пациенсом.

В частности, с точки зрения семантической роли оба участника занимают промежуточную позицию в иерархии семантических ролей, предложенной Беллетти и Рицци: агенс > экспериенцер > тема > цель / источник / место > способ действия / время.

Хотя одним из актантов при рассматриваемых глаголах может быть и агенс, автор показывает, что он в большой мере теряет свою агентивность. Тем самым, и участник-место и другой участник занимают в иерархии позицию, близкую к середине. Ни один из них не является каноническим субъектом, а значит, между ними возникает конкуренция за субъектную позицию, что и приводит к вариативности модели управления.

Синтаксический уровень — самый простой для анализа литовских данных. Номинативная ИГ практически всегда может считаться субъектной (ситуация осложняется в подчиненных клаузах, см. статью П. М. Аркадзева в рецензируемом сборнике). Однако существенно, что имеются и конструкции, где ни один из участников не оформлен номинативом, а значит, канонический грамматический субъект отсутствует.

¹ [Lambrecht 2000: 626], перевод наш.

Наконец, с дискурсивной точки зрения в стандартном случае субъект является темой — а в литовских конструкциях эта тенденция нередко нарушается (см. выше о презентационных структурах).

Тем самым, на каждом из выделяемых Ливитц уровней субъектности у литовских глаголов типа ‘кишеть’ может возникать разделение субъектных свойств между участниками, либо субъект может на данном уровне просто отсутствовать. Кроме того, проверка грамматической, дискурсивной и тематической субъектности может давать разные результаты. Это сложное распределение субъектных свойств и приводит к вариативности модели управления.

Р. Микульскас в работе «Subjecthood in specificational copular constructions in Lithuanian» рассматривает грамматические отношения в связочной конструкции спецификации. Имеются в виду конструкции, где первая позиция занята ИГ, выражающей социальный статус, должность, оценку или подобное значение (в терминах автора — идентифицирует некоторую роль), а вторая — именем уникального объекта, например: *Победитель гонки — Джон; Главная проблема — это мои друзья.*

Конструкции такого рода представляют проблему для любого подхода к грамматическим отношениям (см., например, анализ русских данных в работе [Падучева, Успенский 2002]). Во многих языках маркирование двух ИГ в связочной конструкции не различается, а значит, непонятно, какая из них является подлежащим, а какая функционирует как часть сказуемого.

В частности, ряд исследователей, работающих в русле формальной семантики, например Б. Парти и Л. Хэгги, полагают, что базовым является тип, где конкретно-референтная (чаще всего называющая уникальный объект) ИГ занимает первую позицию: *Джон — победитель гонки.* Затем происходит инверсия. Особенно актуален в этой связи вопрос субъектных свойств каждого из компонентов.

Однако автор придерживается другого подхода — когнитивной грамматики, представленной, например, Дж. Лангакером и М. Тэйлором. В этой модели грамматические отношения — не конкретно-языковые сущности, выявляемые поведенческими тестами, а универсальные понятия. Глаголы и другие предикаты в этой модели представляют своего рода шаблоны событий (например, для переходного глагола — шаблон ‘Агенса своими действиями влияет на Пациенса’). Субъект также метафорически описывается как *trajectory* (движущийся объект), а объект — как *landmark* (ориентир) в том смысле, что именно субъект стандартно агентивен и приводит ситуацию к развитию, тогда как объект лишь затронут ей. Наконец, считается, что субъект является первичным (главным) фокусом внимания в высказывании, а объект — вторичным фокусом.

Отметим, что изложение аппарата когнитивной грамматики для рассматриваемой статьи кажется несколько избыточным. Отчасти оно даже вредит изложению, поскольку отвлекает внимание читателя от собственно связочных конструкций.

В дальнейшем Р. Микульскас более подробно излагает подход когнитивной грамматики к синтаксису. Так, конструкции со связкой и прилагательными (*Jane is tall*) проблемы не представляют, поскольку для прилагательного естественно быть частью сложного предиката (другой частью является сама связка, выражающая финитные категории сложного предиката). Конструкции ИГ + ИГ не столь просты и очень многообразны. Лангакер делит их на эквивалентный тип (*Цицерон — Туллий*) и тип включения (*Цицерон — оратор*). В первом случае ИГ1 обозначает тот же объект или класс объектов, что и ИГ2, во втором ИГ1 обозначает объект из класса ИГ2. С точки зрения автора, преимущество когнитивного анализа в том, что в обоих типах конструкций можно усматривать ровно одно употребление глагола *быть*, а эффект включения или эквивалентности создается свойствами ИГ2 (например, при включении ИГ2 обычно является неопределенным).

С нашей точки зрения, правда, автор упрощает ситуацию. Во-первых, само понятие определенности и референтного статуса не столь уж очевидно, а в языках типа литовского (и русского) нет категории, явно указывающей на (не)определенность имени хотя бы

в каком-нибудь понимании. Во-вторых, если даже ограничиться английским материалом, ясно, что существуют конструкции ИГ1 (неопределенное) + ИГ2 (неопределенное) идентифицирующего типа, например *A bull is a male cow* 'Бык — это самец коровы'.

Автор предлагает далее разделить класс эквивалентности на два подкласса: собственно идентифицирующие (*Мой брат — это тот парень, который напился*) и дескриптивно-идентифицирующие (*Джон Смит — наш учитель английского*). В первом случае функция конструкции — только в том, чтобы поставить знак равенства между уже известными слушающему уникальными сущностями. Второй тип представлен предложениями, где ИГ2 не обязательно обозначает уникальный объект (учитель английского уникален только относительно некоторой ситуации, конкретнее — относительно данного класса).

Переходя собственно к идентифицирующим конструкциям, автор рассматривает субъектный статус ИГ1 и ИГ2 в романских и германских языках. Главным критерием субъектности служит согласование глагола: в английском, французском и немецком языках он согласуется с ИГ1 (*The cause of the riot was the pictures* 'Причиной бунта были фотографии на стене', букв. 'Причина бунта **была** фотографии на стене'), а в португальском, итальянском, каталанском и испанском — с ИГ2 (итал. *La causa della rivolta *fu / furono le foto del muro* 'Причиной бунта были фотографии на стене').

В литовском, как и в русском, субъектный статус демонстрирует вторая ИГ: *Klubo prezidentas esu aš* 'букв. Президент клуба являюсь (*является) я'. Кроме того, первая ИГ способна маркироваться не только номинативом, но и инструментом, что указывает на ее предикативный статус (ср. *Победителем гонки был Джон*).

Анализ типологических данных, убедительный и подробный, приводит, однако, автора к сомнительному, с нашей точки зрения, выводу. Автор считает, что связочные структуры (конкретнее, конструкции спецификации) в разных языках (типа английского и типа литовского) не могут получать различный синтаксический анализ в силу того, что семантические свойства компонентов конструкции одинаковы во всех рассматриваемых языках.

Действительно, как кажется, в конструкции типа *Победитель гонки — Джон* в любом языке первая ИГ будет часто неопределенной, а вторая — конкретно-референтной, а часто даже уникальной. Однако из этого совершенно не следует, что синтаксический анализ не может быть разным. В самом деле, в любой конструкции, означающей 'Мальчик любит пить чай' чай будет пациенсом, а мальчик — агенсом. Более того, нередко слово 'мальчик' будет относиться к классу исчисляемых имен, а 'чай' будет входить в класс неисчисляемых и быть неопределенным. Однако это не отменяет того факта, что языки по-разному «упаковывают» эту информацию и набор субъектных свойств, которые имеет каждая из ИГ, может быть разным.

Как кажется, одним из самых интересных вопросов грамматики связочных конструкций и является вопрос, почему ее компоненты в разных языках имеют разные свойства. По-видимому, эта проблема может быть связана с более общими свойствами согласования, порядка слов или референтного статуса в отдельных языках.

В статье Николь Най «Differential object marking in Latgalian» рассматривается дифференцированное маркирование объекта в латгальском языке, а конкретнее — факторы выбора объектного генитива вместо аккузатива при переходных глаголах.

Важнейшим фактором выбора генитива является отрицание, причем, как мы уже видели в статье П. М. Аркадьева, отрицание в главной клаузе может обуславливать генитив объекта в подчиненной (в латгальском — инфинитивной) клаузе.

Однако есть и случаи, когда объектный генитив выбирается в отсутствие отрицания. Как правило, это означает, что говорящий выражает недоверие к некоторой информации, например, 'не может быть, что...'. Нередко в таких случаях, наряду с генитивом, используются глагольные формы с ирреальным значением.

Употребление генитива нередко диктуется глагольной формой: генитив употребляется при супине (специализированной формой выражения цели, как правило, при глаголах движения) и при заменяющем его целевом инфинитиве (см. статью П. М. Аркадьева

об аналогичных случаях в литовском языке). Как и в литовском, при других типах инфинитива (например, в сентенциальных актантах при глаголах типа 'начинать', 'хотеть' и др.) генитив используется реже, чем в контекстах цели.

Еще один «генитивный» фактор — это тематический класс самого объекта. Именно генитив часто оформляет неисчисляемые объекты — имена веществ и их аналоги ('хлеб', 'деньги', 'вода' и т. д.). В этом случае генитивное маркирование обозначает неопределенное количество вещества, тогда как аккумулятив кодирует заранее известные части, порции веществ.

Остальные наблюдаемые в латгальских текстах употребления генитива не поддаются формулировке в терминах больших классов явлений. Например, почти исключительно в генитиве используются местоимения *nikas* 'ничего' и *vysskas* 'всё, все типы предметов'. Напротив, личные местоимения даже в стандартно генитивных контекстах нередко получают аккумулятивное маркирование. Интересно, что в некоторых случаях заметны индивидуальные предпочтения к тому или иному падежу: так, в текстах современной латгалоязычной писательницы Ильзе Сперги генитивом часто оформлены имена собственные, которые в старых текстах обычно маркированы аккумулятивом.

Есть и такие двухвалентные глаголы, у которых генитивное управление обусловлено скорее лексической семантикой, чем грамматическими факторами. Например, некоторые глаголы эмоций ('бояться') имеют модель управления «номинатив + генитив», хотя могут в дальнейшем принимать модель с аккумулятивным маркированием объекта. В этой связи интересно было бы сравнить латгальскую ситуацию с типологическими описаниями, подтверждающими, что со временем неканонические модели управления во многих языках заменяются каноническими (см., например, [Haspelmath 2001]). Другие предикаты демонстрируют безличную конструкцию: экспериенцер выступает в дативе, а стимул — в генитиве.

Как кажется, латгальская статья в качестве логического продолжения требовала бы типологической части. Типология генитива хорошо разработана, и было бы интересно проследить, какие из латгальских конструкций типологически распространены, а какие редки (это может стать темой будущих исследований).

Илья Сержант посвятил статью «The independent partitive genitive in Lithuanian» анализу употребления партитивного генитива объекта типа 'Я купил молока' в литовском языке. Эта статья, наряду с работами П. М. Аркадьева, статьей Б. Вимера и В. Бьярнадоттир (о которой см. ниже), несколько выделяется на общем фоне стремлением осмыслить данные в рамках некоторой теории.

В самом начале статьи делается важное теоретическое утверждение: считается, что в партитивной конструкции содержится невыраженный квантификатор. Данная точка зрения обоснована, в частности, тем, что при глаголах типа *privažuoti* 'понаехать' стандартно субъект может быть маркирован только генитивом. Однако конструкции с квантификаторами типа 'много' снимают это ограничение: объект может быть в номинативе. Отсюда возможность трактовать партитивные конструкции как содержащие квантификатор.

Очень интересна часть, посвященная синтаксическим свойствам партитива. В частности, в литовском возможна анафора к партитивной именной группе.

С точки зрения семантики партитивные контексты неоднородны. Выделяется связанное прочтение (имеется некоторая определенная совокупность предметов, выраженных партитивной ИГ, например, 'не получили (этих) денег') и несвязанное (партитивная ИГ обозначает класс предметов как таковой, без ограничения, например, 'Я знаю таких людей').

Для несвязанного прочтения интересна неоднозначность сферы действия относительно квантификаторов типа 'все'. В предложениях типа 'Все знают людей (GEN), которые едят много и не толстеют' генитивная группа может иметь как широкую сферу действия ('все знают одних и тех же людей'), так и узкую ('каждый знает таких людей (разных)').

Основная часть статьи посвящена взаимодействию генитива с глаголами различных аспектуальных классов.

Автор показывает, что функция литовского генитива во многом похожа на функцию неопределенных выражений во множественном числе типа *He ate apples* в противоположность *He ate the apples*: генитив также доопределяет аспектуальные свойства ситуации, не ясные однозначно из глагольной формы.

Стандартный аспектуальный класс глаголов, допускающих генитив, — глаголы с инкрементальной темой. Это глаголы типа *estь* (*яблоко*), при которых каждая часть объекта, затрагиваемая ситуацией, соответствует части самой ситуации. Автор считает, что в дальнейшем семантика инкрементальности по аналогии захватывает и глаголы других классов (например, глагол *privažuoti* ‘понаехать’ понимается как инкрементальный, где каждый приезд некоторого субъекта соответствует части ситуации).

В дальнейшем семантика глаголов с генитивом объекта обсуждается более детально. В частности, показана связь генитивного маркирования с понятием несвязанности по П. Кипарски.

Переходя к взаимоотношениям между глагольным видом и генитивом, И. Сержант отмечает, что независимый генитив допускается и при предельных (‘выпить’), и при неопределенных глаголах (‘пить’). Однако с аспектуальными свойствами предиката взаимодействует, прежде всего, **связанное** прочтение генитива. В частности, в конструкциях типа ‘Пока Джон ел роллы, по телевизору передавали новости’ генитив невозможен. Поскольку прогрессивные контексты предполагают неопределенность (несвязанность) ситуации, в контекстах такого рода невозможно связанное прочтение генитива (‘Пока Джон ел какое-то количество роллов, известное говорящему’). С другой стороны, несвязанное прочтение в данном случае сочеталось бы с семантикой глагола, но оказывается недоступным: несвязанное прочтение может возникать только в связи с семантикой именной группы и не взаимодействует с аспектуальными свойствами глагола. В омонимичных контекстах типа ‘Он ел роллы (несвязанное)’/ ‘Он съел роллов (связанное)’ выбирается именно связанное прочтение. Тем самым, по умолчанию предпочитается связанное прочтение.

Завершает сборник статья Б. Вимера и В. Бьярнадоттир «On the non-canonical marking of the highest-ranking argument in Lithuanian and Icelandic». В ней описываются результаты масштабного проекта, целью которого было исследовать модели падежного маркирования в исландском и литовском языках. Нужно сказать, что сейчас развивается сразу несколько проектов, призванных типологически и теоретически упорядочить описания синтаксических классов глаголов. Для данной области особенно важна отработанный методика исследования, поскольку нередко распределение классов глаголов считается лексически мотивированным феноменом, плохо поддающимся систематизации.

В данной работе используется аппарат референциально-ролевой грамматики Р. Ван Валина и его соавторов. Ключевой и полезной для авторов особенностью этой теории является интерпретация семантических ролей как обобщенных сущностей, расположенных на шкале «актор — претерпевающий» (например, агенс, контролирующий ситуацию, расположен ближе к актору, чем второй актант переходного глагола). Подобный подход позволяет обобщенно представить результаты проекта — список классов глаголов, допускающих неканоническое маркирование актанта самого высокого ранга (т. е. находящихся ближе всего к актору), не отвлекаясь на конкретные семантические роли, например стимул, содержание и др. Употребление падежей конкретного языка в рамках теории Ван Валина также можно интерпретировать в терминах шкалы, например, «датов по умолчанию присваивается участнику, не имеющему макророли» (т. е. не локализованному на шкале актер — претерпевающий).

Впрочем, нам представляется, что ограниченность формального аппарата, во многом полезная для работы, может иногда и вредить ей. Не всегда очевидно, чем в конкретных случаях (например, при глаголах типа ‘быть нужным’) мотивируется маркирование одушевленного участника дативом или аккузативом — его положением на шкале или конкретной падежной семантикой (например, ролью субъекта модального отношения). Однако учесть все факторы в рамках одной статьи невозможно.

Главное достоинство работы — подробная и проработанная классификация глаголов, допускающих неканоническое маркирование актанта с наивысшим рангом. Среди таких классов — когнитивные, модальные и эпистемические глаголы, глаголы боли, безличные глаголы погодных явлений и др. Все эти группы роднит отсутствие канонических агенса и пациенса — тем самым они оставляют языку довольно большую свободу в маркировании участников (в частности, одушевленного участника). И два исследуемых языка по-разному пользуются этой свободой. Например, только в исландском языке встречаются «погодные» предикаты с дативным маркированием актанта. Напротив, преимущественно в литовском распространены эпистемические предикаты с дативным маркированием. Есть различия и в группе «аккузативных» предикатов: в литовском языке гораздо больше глаголов физиологических ощущений, сочетающихся с аккумулятивом.

Между языками имеются и более общие различия. Например, для исландского языка исследователи говорят о явлении «Dative Sickness» («дативная болезнь»): оно состоит в том, что при ряде классов глаголов (например, с модальной семантикой, но не только) исходное аккумулятивное маркирование (букв. ‘Меня нужен нож’) заменяется на дативное (‘Мне нужен нож’).

В целом исследование вносит важный вклад в изучение глагольных классов в языках мира, во многом продолжая подход известной работы Б. Левин «English verb classes and alternations» [Levin 1993]. Выявленные проблемы (например, неоднозначный статус актантов с ролью места — неочевидно, можно ли их вообще называть актантами) — это не недостаток работы, а ее достоинство: только системный подход к лексическим классам позволяет выявить лакуны и недочеты в существующих подходах к описанию актантной структуры.

В частности, еще одна лакуна такого рода — описание конструкций с сентенциальными актантами. Авторы скорее склонны считать неканонической модель типа ‘Тебе хорошо бы иметь сапоги’, где экспериенцер/субъект оценки маркируется дативом. Однако оценка данной модели проблематична в связи с тем, что сентенциальный актант ‘иметь сапоги’ с трудом можно расположить на шкале «актор — претерпевающий».

Возникает следующий общий вопрос: в какой мере существующие различия в классах глаголов определяются различиями в функциях падежей в целом и поведении составляющих, маркированных этими падежами? Например, для исландского известно, что дативные и аккумулятивные группы нередко проявляют субъектные свойства. В какой мере этот факт существен для распределения употребления датива и аккумулятива vs. номинатива при конкретных лексических классах? Впрочем, это скорее тема для будущего исследования.

Подводя итоги, можно сказать, что рецензируемый сборник представляет важность сразу с нескольких точек зрения. С одной стороны, материал балтийских языков ценен для типологии — как в силу недостаточной освещенности этих данных, так и в силу нестандартных черт балтийских языков, например, их «любви» к неканоническим (безличным и двухвалентным непереходным) моделям управления. С другой стороны, книга представляет ценность как пример всестороннего исследования компактного материала средствами разных теоретических подходов. Это позволяет читателю с самыми разными предпочтениями составить весьма объемную и полную картину функционирования актантной структуры и операций над ней в балтийских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Падучева, Успенский 2002 — Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // Успенский В. А. Труды по нематематике. Т. 1. М.: ОГИ, 2002. (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 38. 1979. С. 349—360). [Paducheva E. V., Uspenskij V. A. A subject or a predicate? (A semantic criterion for distinguishing between subject and predicate in binominative sentences)]

- Uspenskij V. A. *Trudy po nematematike*. Vol. 1. Moscow: OGI, 2002. (*Izvestiya AN SSSR. Ser. literaturny i yazyka*. Vol. 38. 1979. Pp. 349—360.)]
- Croft 2001 — Croft W. *Radical construction grammar: syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. Vol. 67. No. 3. Pp. 547—619.
- Franks, Lavine 2006 — Franks S., Lavine J. E. Case and word order in Lithuanian. *Journal of linguistics*. 2006. Vol. 42. No. 1. Pp. 239—298.
- Haspelmath 2001 — Haspelmath M. Non-canonical marking of core arguments in European languages. *Non-canonical marking of subjects and objects*. (Typological studies in language 46.) Aikhenvald A., Dixon R. M. W., Onishi M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2001. Pp. 53—84.
- Keenan, Comrie 1977 — Keenan E., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 1. Pp. 63—99.
- Levin 1993 — Levin B. *English verb classes and alternations*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1993.
- Livitz 2006 — Livitz I. *What's in a nominative? Implications of Russian non-nominative subjects for a cross-linguistic approach to subjecthood*. B. A. Honor's Thesis, Harvard Univ., 2006.
- Lambrecht 2000 — Lambrecht K. When subjects behave like objects: An analysis of the merging of S and O in sentence focus constructions across languages. *Studies in language*. 2000. Vol. 24. No. 3. Pp. 611—682.
- Matushansky 2008 — Matushansky O. A case study of predication. *Studies in formal Slavic linguistics*. (Contributions from formal description of Slavic languages. 6.5.) Marušič F., Žaucer R. (eds). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. Pp. 213—239.